

ПУЛЕМЕТЪ

№ 6.

Текстъ и темы
Н. Шебуева.

Между пятымъ и шестымъ номеромъ по винѣ Н. А. Романова произошелъ перерывъ въ 12 лѣтъ. Теперь препятствіе это устранено и Пулеметъ будетъ выходить еженедѣльно.

— Я свергнулъ его раньше, чѣмъ вы!.

— Долой! (№ 1 «Пулемет»).

У баррикады. Начало... (№ 5 «Пулемет»).

— За мной! (№ 6 «Пулемет»).

Его Рабочее Величество Пролетарій
Всероссійскій. (№ 2 «Пулемет»).

Русская Свобода родилась на морѣ.
(№ 3 «Пулемет»).

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Какъ онъ промахнулся.

Вотъ обложка «Пулемета» за 1905 годъ. Эхъ-царь имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ ими.

— Долой!—кричить съ первой Его Величество Студентъ Всероссійскій.

— Долой!—кричить со второй Его Рабочее Величество Пролетарій Всероссійскій.

— Долой!—кричить съ третьей Его Величество Солдатъ Всероссійскій.

— Долой!—кричитъ народъ, идя за Гапономъ къ дворцу.

— Долой!—кричитъ Ея Величество Женщина Всероссійская.

Весь «Пулеметъ», всѣми своими кроваво-красными рисунками и кроваво-красными статьями кричалъ «Долой!»

И никто не спрашивалъ:

— Кого долой?

Всѣ знали. Всѣ понимали. Всѣ чувствовали и сочувствовали.

Понималъ это и самъ эхъ-царь. Его же сотрудники понимали это еще лучше его и совѣтовали ему послать меня изъ Петрограда недалеко—на Лисій Носъ.

Есть такая дачная мѣстность по Финляндской желѣзной дорогѣ. Тамъ неудобныхъ правительству обывателей ненадолго вѣшали. И навсегда зарывали въ песокъ. Шито - крыто.

Но меня не посмѣли зарыть. «Пулеметъ» былъ слишкомъ у всѣхъ на виду. И эхъ-царь посадилъ меня въ «Кресты». Тоже

дачная мѣстность, особенно излюбленная теперь царскими эхъ-сановниками.

Тамъ мнѣ сидѣлось, по чести сказать, очень недурно. Тюремное начальство за мной заботливо ухаживало. Изъ пубрики я получалъ каждый день то цвѣты, то выраженія самаго теплаго сочувствія.

Вамъ, господа эхъ-сановники, навѣрное никто цвѣтовъ не присылаетъ.

А главное у меня въ душѣ расцвѣтали ярко красные цвѣты свободы. А что расцвѣтаетъ сейчасъ у васъ на душѣ, старые кроты?

Въ тюрьмѣ арестантамъ не даютъ газетъ. Но я ихъ получалъ контрабандой. А вамъ, сановники, я бы давалъ усиленную порцію газетъ.

И заставлялъ бы васъ читать все то, что о васъ пишутъ. Чтобы вы видѣли, какъ вы мерзки, какъ гадки всему народу, всей Россіи.

И этотъ номеръ «Пулемета» прочтете внимательно. И со злобой подумаете:

— А здорово Николай II промахнулся. Послалъ бы Шебуева на Лисій Носъ, не глумился бы онъ сейчасъ надъ нимъ и нами въ «Пулеметъ»...

Заставляйте, заставляйте, тюремщики, своихъ сановниковъ-чиновниковъ читать, что о нихъ пишутъ. Большаго наказанія имъ не придумаешь.

А Николай II дѣйствительно промахнулся!

Слово и дѣло.

Вначалѣ бѣ слово, а дѣло—потомъ.
Нельзя-жѣ начинать безсловесной ско-
томъ!

Чуть за сердце слово задѣло,
Бросайте слова и за дѣло!
Эй, вы «демагоги»!—слова да слова,
Ей Богу отъ нихъ затрепичитъ голова!
Постыдно, позорно, обидно
Горланять, а толка не видно.

Лишь тотъ, кому плетка досталась въ
удѣлъ,

Имѣетъ возможность остаться у дѣла,
Да, палку схватила капрала
Та кучка, что громче орала...

Врагъ близокъ и грозенъ! За дѣло! Впе-
редь!

Словесниковъ къ чорту,—придетъ ихъ
чередъ!

Эй, нѣмецъ проклятый, куда ты...
На приступъ въ атаку, солдаты!
Въ началѣ бѣ слово! И слово бѣ Богъ!
Безъ Бога въ душѣ воинъ слабъ и убогъ!
Но въ сердцѣ пылаетъ народа
Великое слово—Свобода!

Какія же нужны еще вамъ слова?
Въ томъ словѣ одномъ всѣ мечты, всѣ
права,

Всѣ свѣтлыя мысли Мессии, —
Все счастье великой Россіи...
Есть слово Свобода! Какихъ еще словъ!
Не слушай на сходкахъ ревушихъ ословъ
О сдачѣ Вильгельму, о, воинъ, —
Будь слова Свобода достойны!

Клянись за свободу, солдатъ, умереть.
Вильгельма ядро, Гогенцоллерна плеть
Проклятая, подлая, злая —
Не слаще ярма Николая.

Гони-жѣ пораженца! Онъ родины врагъ,
Иль тайный измѣнникъ, иль явный ду-
ракъ.

Мы только что свергли тирана,
Къ другому проситесь намъ рано!
Мы свергли тирана. Собирайтесь, полки,
Гремите заводовъ и фабрикъ станки, —
Пусть дѣломъ замѣнится слово —
И свергнемъ тирана другого!..

Вставай, подымайся рабочій народъ,
Вильгельму объявленъ крестовый походъ!
За миръ лишь распутинцевъ кучка,
Да въ «Правдѣ» эсдекъ-недоучка!..

Вставай, подымайся свободный солдатъ,
Врагъ близокъ, ужъ слышенъ кровавый
набатъ,

Ужъ видно кровавое пламя!..
Вставай подь Республики знамя!

Марсельеза.

— Allons, enfants, de la patrie!..
(— Уйдемте, дѣти, изъ отечества!..)

Жизнеописание полковника Николая Романова въ собственныхъ его рѣчахъ.

Проклята цензура была казнью не толь-
ко для однихъ братьевъ-писателей. Тя-
жесть ея испытать на себѣ даже самъ
эхъ-царь.

Въ 1906 г. книгоиздательство «Другъ
народа» выпустило было составленное по
официальнымъ даннымъ «Правитель-
ственного Вѣстника», «Полное собраніе
рѣчей Императора Николая II».

Книга эта была снабжена предисловіемъ,
составленнымъ въ самыхъ почтительныхъ и
вѣрноподданническихъ выраженіяхъ:

«Не въ манифестахъ или рескриптахъ, редак-
ція коихъ принадлежитъ обыкновенно различ-

нымъ государственнымъ дѣятелямъ, а именно
въ этихъ рѣчахъ, лично Монархомъ произнесен-
ныхъ, раскрывается передъ нами вся мощь
творческаго духа Государянаго Вождя народа,
широкій размахъ его начинаній; въ нихъ долж-
ны мы искать выраженія Его заветныхъ жела-
ній, стремлений, Его государственныхъ идеа-
ловъ, Его неустанныхъ заботъ и сердечнаго по-
печенія о благѣ отечества».

Книжка вышла, но цензурнымъ комите-
томъ была конфискована, какъ колеблю-
щая основы монархическаго строя! И сра-
зу сдѣлалась библиографическою рѣдко-
стью.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Памятникъ дому Романовыхъ.

Не Александръ III, а всей романовщинѣ воздвигнуть памятникъ княземъ Трубецкимъ противъ Николаевского вокзала.

Въ первый день великой революціи я видѣлъ силуэтъ коня-битюга и царя-битюга на ярко-красномъ фонѣ горящаго участка. Сутулый, неуклюжій, грузный кошмарно-нелѣпый давилъ всею своею тяжестью мрачный всадникъ такого же мрачнаго, коренастаго, неуклюжаго чернаго коня.

И былъ какъ кошмарный призракъ гнета свергнутой тираніи этотъ трагическій бронзовый шаржъ, эта бронзовая пощечина дому Романовыхъ, которую отлилъ геніальный скульпторъ...

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Памятникъ Михаилу Романову.

Благодарное потомство обязано увековѣчить памятникомъ Михаила Романова. Не того Михаила, которымъ начался домъ Романовыхъ, а того, которымъ домъ Романовыхъ кончился.

Ибо изъ всѣхъ царей дома Романовыхъ только Михаилъ Александровичъ неожиданно облагодѣтельствовалъ свой народъ отреченіемъ отъ престола. Идя на встрѣчу этой настоятельной необходимости «Пулеметъ» заказалъ скульптору Н. Крамольникову проектъ памятника изъ бронзы и открылъ приемъ пожертвованій на сооруженіе монумента.

На проектъ, который здѣсь воспроизводится, Михаилъ Романовъ представленъ въ позѣ челоѣка, гадливо отталкивающаго отъ себя корону, которую ему подаетъ коѣнопреклоненный Миллюковъ. На пьедесталѣ золотая надпись:

Отрекаюсь отъ стараго міра.

Ненавистенъ мнѣ царскій чертогъ.

Нечего и говорить, что Монументъ создается не для того, чтобы объ увековѣчиваемомъ событіи не забылъ народъ (—народъ никогда не забудетъ объ отреченіи), а для того, чтобы объ этомъ праздникъ праздниковъ и торжествъ изъ торжествъ не забылъ самъ Михаилъ Александровичъ.

Въ рѣчахъ Монарха нѣтъ мѣста многословію, длиннымъ риторическимъ періодамъ, нѣтъ мѣста и цвѣтистымъ, вытурнымъ фразамъ: истинная прелесть этихъ рѣчей—въ ихъ безыскусственности, величавой элиности и простотѣ, прямолинейности сужденія; немало въ нихъ мѣткихъ афоризмовъ изреченій, представляющихъ истинные перлы государственной мудрости, которые, передаваясь изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, навѣки сохраняются въ потомствѣ. Краткія, иногда даже весьма краткія по формѣ, но цѣнныя своимъ содержаніемъ рѣчи монарха широту государственныхъ замысловъ соединяютъ съ благоразумной осмотрительностью и вѣрностью исконнымъ традиціямъ и заветамъ незабвеннаго родителя, авторитетныя слова котораго перѣдко цитируются державнымъ ораторомъ»...

Цензурѣ, очевидно, не понравилась именно программность рѣчей эхъ-паря. Между тѣмъ, именно теперь, когда личность Николая Романова сдѣлалась популярнѣе, чѣмъ когда-либо, чрезвычайно кстати, обнародовать слова этого Златуста.

Цензуру коробило (всѣ цензора пошлики и имѣютъ esprit mal tourné), что большинство рѣчей Николая II начинаются словомъ «пью» или кончаются словомъ «пью».

Но во-первыхъ, это фактически невѣрно. Мы можемъ указать на нѣсколько рѣчей, гдѣ слово «пью» совершенно отсутствуетъ.

Напримѣръ, вотъ рѣчь отъ 12-го августа въ Красносельскомъ лагерѣ («Правит. Вѣстникъ», 189 г. № 177).

«За здоровье дорогихъ Мнѣ и славныхъ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа».

Вотъ и все. Гдѣ же тутъ ненавистное цензурѣ слово «пью»?..

Дальше, 29 ноября 1896 года, Николай II произнесъ три знаменательныя рѣчи и изъ нихъ только въ послѣдней фигурируетъ слово пью».

Во время парада онъ осчастливилъ офицеровъ первой рѣчью:

«За славу и процвѣтаніе столѣтняго Новочеркасскаго полка».

Солдаты осчастливлены второй рѣчью:

«За ваше здоровье, братья».

И лишь въ третью рѣчи произнесено, кажушееся цензорамъ не цензурнымъ выраженіе «пью». Но и здѣсь не въ началѣ, не въ концѣ, а въ серединѣ рѣчи!

«Благодарю слушающихъ и прежде служившихъ въ полку за доблестную вѣковую службу. Пью за здоровье всецѣ Мнѣ дорогаго полка—ваше здоровье, господа!»

(Всѣ три рѣчи въ № 261 «Правит. Вѣстн.» 1896 г.).

Въ нѣкоторыхъ рѣчахъ слово «пью» искусно замѣнено ораторомъ выраженіемъ «поднимаю бокалъ».

Во-вторыхъ, цензурѣ казались одно-сторонне подтасованными рѣчи обожаемаго монарха и своею убогою ничтожностью сквернящими величіе величества.

«Составитель книги пытался дискредитировать священную особу монарха наклепотою брашною его рѣчей».

Это тоже ложно. Благоговѣно собраны и напечатаны всѣ рѣчи, появившіяся въ «Правит. Вѣстникѣ» за 1894—1906 годы. Огромное большинство рѣчей дѣйствительно похоже на брѣню изъ плюновения. Но изъ евангелія мы знаемъ случаи, когда именно брѣню изъ плюновения помогало слѣпорожденнымъ прозрѣвать! Наконецъ, не права цензура, что въ рѣчахъ обожаемаго монарха своего не видитъ ничего, кромѣ «пью-пью»: «Царь только и дѣлаетъ, что провозглашаетъ тосты за всѣхъ и пьетъ». Цензура боится, что народъ пойметъ это, будто обожаемый монархъ пропилъ его и Русь!

Но лишь близорукой и легкомысленный читатель сможетъ такъ кривотолковать жизнь и труды своего государя. Напротивъ, всякій вдумчивый, вѣрнопопданный, взглядывшій въ даты и лица, за которыхъ пилъ обожаемый монархъ, и сопоставляя ихъ, получить точную и пышную исторію безпечальнаго царствованія Николая II, этого золотого вѣка, когда вино дѣйствительно рѣкой лилось въ обожаемую утробу государя, но лилось отъ изобилія плодовъ земныхъ и временъ мирныхъ.

Воспроизводя здѣсь наиболѣе значительныя по содержанію изъ рѣчей Николая Златоуста, «Пулеметь» словно перелистываетъ наиболѣе яркія страницы всего питія *) славнѣйшаго изъ дома Романовыхъ.

Жизнь государя пройдетъ въ собственномъ Николая II изложеніи, какъ блестящая автобіографія, собственноручно для «Пулемета» начертанная.

Первую свою рѣчь Монархъ произнесъ 31-го октября на Высочайшемъ выходѣ, обращаясь къ московскому дворянству, купечеству и представителямъ московскихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений:

«Тяжко и больно быть теперь въ Москвѣ, которую такъ искренно любилъ Мой незабвенный батюшка; но Императрица и Я находимъ сердечное утѣшеніе въ молитвахъ и тѣхъ слезахъ, которыя вся Россія проливаетъ въ эти дни испытанія. Да поможетъ Мнѣ Господь служить Нашей горячо любимой родинѣ такъ же, какъ служилъ ей Мой покойный Отецъ, и вести ее по указанному имъ свѣтлому и лучезарному пути».

«Правит. Вѣстникъ» 1894 г., № 239.

17-го января представители дворянства, земства и городовъ собрались въ Николаевской

залѣ. Привѣтствовать собравшихся и выйдя на середину залы, Его Величество произнесъ слѣдующія слова:

«Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрнопопданныхъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ Свое силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный, покойный Родитель».

(«Правит. Вѣстникъ» 1895 г., № 14).

Присутствуя 15 августа на парадномъ обѣдѣ у австрійскаго императора Франца-Иосифа, въ отвѣтъ на тостъ послѣдняго, царь сказалъ (на французскомъ языкѣ):

«Принося Вашему Величеству благодарность за любезную встрѣчу, которую Вы Намъ устроили, Я пью за здоровье Ихъ Величествъ, Императора Австрійскаго и Короля Венгерскаго и Императрицы-Королевы».

(«Правит. Вѣстникъ» 1896 г., № 180).

Въ Бреславлѣ (25 августа) въ отвѣтъ на рѣчь Германскаго Императора Вильгельма, Царь сказалъ (на французскомъ языкѣ):

«Благодарю Ваше Величество за только что сказанныя вами слова, равно какъ и за пріемъ, оказанный Мнѣ въ Бреславлѣ. Могу васъ утѣшить, Государь, что Я воодушевленъ тѣми же традиціонными чувствами, какъ и Ваше Величество. Пью за здоровье Вашего Величества и Ея Величества Императрицы. Ура!»

(«Правит. Вѣстникъ» 1896 г., № 188).

Въ Парижѣ, 25 сентября (7 октября) 1896 г., за обѣдомъ у президента Царь сказалъ:

«Пью за Францію и поднимаю бокалъ за Президента Французской Республики».

(«Правит. Вѣстникъ» 1896 г., № 211).

9 ноября 1896 г. въ Инженерномъ замкѣ на церковномъ парадѣ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Государь, поднявъ чарку, сказалъ:

«Пью за здоровье столѣтняго, славнаго лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, ура!»

(«Правит. Вѣстникъ» 1896 г., № 247).

29 ноября 1896 г. во время церковнаго парада 145-му пѣхотному Новочеркасскому полку, Его Величество изволилъ произнести:

«Пью за здоровье всегда Мнѣ дорогаго полка—ваше здоровье, господа!»

(«Правит. Вѣстникъ» 1896 г., № 261).

Рѣчь во время пріема Австрійскаго Императора на парадномъ обѣдѣ 15 апрѣля 1897 г.:

«Я счастливъ присутствіемъ Вашего Величества между нами и не могу не выразить Своей признательности за это новое доказательство искренней дружбы, соединяющей насъ. Эта дружба закрѣплена общими взглядами и принципами, направленными на обезпеченіе благу мира для нашихъ народовъ. Вашему Величеству извѣстны сердечныя чувства, которыя Я питаю къ вамъ, и особенное значеніе, которое Я придаю полной солидарности между нами для достиженія высокой, преслѣдуемой нами цѣли. Я пью за здоровье Вашего Величества, Ея Величества Императрицы и всей Императорской семьи».

(«Правит. Вѣстникъ» 1897 г., № 84).

Рѣчь, произнесенная Королемъ Сіамскому во время обѣда 22 іюня:

«Пью за здоровье Его Величества, Короля Сіамскаго».

(«Правит. Вѣстникъ» 1897 г., № 139).

Рѣчь, произнесенная Императору Германскому во время обѣда 26 іюля:

«Присутствіе Вашего Величества и Ея Величества Императрицы и Королевы доставляетъ Мнѣ

*) См. начало. Слѣдуетъ: «измѣна».

Марать, Марать! Великий вождь великой французской революции, ты привелъ народъ къ свободѣ, заливъ весь путь кровью! Это ты, фанатическій другъ народа, ненасытно требовалъ для блага отечества гильотинировать еще 200.000 головъ!

Марать, Марать! Содрогнувшаяся отъ твоей жестокости Шарлотта Корде убила тебя кинжаломъ въ то время, когда ты больной, сидя въ ваннѣ, записывалъ имена тѣхъ, кого надо завтра отвести на эшафотъ!

Марать, Марать! Твое тѣло буржуазные жирондисты бросили въ клоаку, потому что считали и звали тебя „Человѣкомъ безъ сердца“. Но народъ нашелъ у тебя сердце, вырѣзалъ его и съ почестью помѣстилъ въ залъ засѣданій клуба кордельеровъ!

Марать, Марать! Великий учитель революціи ты годишься намъ только въ ученики: мы начали и кончили нашу революцію безъ гильотины и эшафота!

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

весьма большое удовольствіе, и Мнѣ очень приятно выразить вамъ Мою искреннюю признательность. Это новое доказательство связующихъ Насъ традиціонныхъ узъ и установившихся добрыхъ отношеній между Нашими сосѣдними государствами служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, драгоценнымъ залогомъ сохраненія всеобщаго мира, что является предметомъ Нашихъ постоянныхъ заботъ и самыхъ пламенныхъ желаній.

Я пью за здоровье Его Величества Императора и Короля Вильгельма, Ея Величества Императрицы и Королевы и всей Августѣйшей семьи.

(«Правит. Вѣстникъ» 1897 г., № 166).

Рѣчь президенту французской республики Феликсу Фору во время обѣда 11 августа:

«Я пью за Ваше здоровье, господинъ Президентъ, и за процвѣтаніе Франціи».

(«Правит. Вѣстникъ» 1897 г., № 178).

На здравіцу, провозглашенную московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Царь сказалъ слѣдующія слова:

«Императрица и Я сердечно благодаримъ московское дворянство за ихъ радушный пріемъ и роскошную трапезу. Отъ души пьемъ за дворянство, за его благоденствіе и преуспѣаніе. Ура!»

(«Правит. Вѣстникъ» 1900 г., № 84).

За обѣдомъ 10-го іюля Царь сказалъ:

«Пью за здоровье Ихъ Королевскихъ Высочествъ, Князя и Княгини Болгарскихъ, а также за здоровье Моего дорогого крестника, Княжича Бориса, и за процвѣтаніе Болгаріи».

(«Правит. Вѣстникъ» 1898 г., № 150).

За обѣдомъ въ честь короля Румынскаго Царь произнесъ слѣдующій тостъ:

«Благодарю, Ваше Величество, за посѣщеніе и поднимаю Мой бокалъ въ честь Вашего Величества. Пью также за здоровье Ея Величества Королевы, Его Королевскаго Высочества Принца Фердинанда и за процвѣтаніе Румыніи».

(«Правит. Вѣстникъ» 1898 г., № 156).

За обѣдомъ 16-го августа Императоръ обратился къ волостнымъ старшинамъ, представителямъ сельскаго населенія, инородцамъ и георгіевскимъ кавалерамъ съ слѣдующей рѣчью:

«Я очень радъ снова васъ увидѣть. Благодарю васъ за службу, а въ особенности георгіевскихъ кавалеровъ. Пью за ваше здоровье, братья, и благоденствіе. Ура!»

(«Правит. Вѣстникъ» 1898 г., № 182).

Во время посѣщенія севастопольскаго морского собранія Государь произнесъ слѣдующія слова:

«Я всегда радовался бывать въ Севастополѣ и счастливъ находиться среди васъ впервые съ Ея Величествомъ. Благодарю васъ, господа, за вашъ сердечный пріемъ и пью за ваше здоровье и за славу доблестнаго черноморскаго флота».

(«Правит. Вѣстникъ» 1898 г., № 186).

15-го мая 1900 г., при посѣщеніи кронштадтскихъ рейдовъ Государь Императоръ осчастливилъ каютъ-компанію крейсера «Память Азова» милостивымъ тостомъ:

«Пью за дорогую Мнѣ каютъ-компанію крейсера «Память Азова»».

(«Правит. Вѣстникъ» 1900 г., № 112).

5-го іюля 1900 г., на парадномъ обѣдѣ по случаю пріѣзда Шаха Персидскаго, Государь, поднявъ бокалъ за здоровье Шаха Персидскаго, произнесъ:

«За здоровье Его Величества Шаха Музаффера-Эддина и за благоденствіе Персіи».

(«Правит. Вѣстникъ» 1900 г., № 153).

18-го декабря, въ Ливадіи, послѣ смотра египетскому, вернувшемуся съ Дальняго Востока, Царь, поднявъ чарку, изволилъ произнести:

«Я пью за здоровье и процвѣтаніе всей славной желѣзной четвертой стрѣлковой бригады, 13-го стрѣлковаго полка и батареи 4-го артиллерійскаго дивизиона».

Марать, Марать! Я тоже думалъ, что русская революція зальетъ кровью, засѣетъ трупами путь свой, и приготовилъ въ 1905 году для № 6 «Пулемета» вотъ этотъ зловѣщій рисунокъ!

Марать, Марать! Ты съ восторгомъ разглядѣлъ бы подъ копытами грознаго коня Революціи трупы Романовыхъ: вотъ Сергѣй Александровичъ, вотъ Владиміръ, а вотъ спина и самого Николая...

Марать, Марать! Въ крови твои руки. А наши? Мы только что окончили Величайшую Революцію въ мірѣ и еѣ гордостью можемъ показывать ихъ! Онѣ чисты!.. Учитесь у насъ революціонеры всѣхъ странъ! А учиться—пора. Потому что вслѣдъ за нами скоро начнутъ свергать своихъ монарховъ и всѣ другія страны!

И первымъ падетъ Вильгельмъ!..

Опускаю нѣсколько рѣчей, въ которыхъ краснорѣчіе Златоуста нѣсколько приутомилось.

30 марта 1904 г. на церковномъ парадѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка, Государь Императоръ, подойдя къ столу съ пробной порціей, изволилъ поднять чарку и произнести:

«Господа! Отъ Имени Государыни Императрицы и Моего искренно пью за ваше здоровье и за здоровье вашихъ товарищей, которые теперь дѣйствуютъ на Дальнемъ Востоцѣ во славу Россіи и Нашей доблестной арміи».

(«Правит. Вѣстникъ» 1904 г., № 76, 77).

8 мая Царь принималъ хлѣбъ-соль отъ московскаго дворянства, которому сказалъ:

«Искренно благодарю васъ за чувства, выраженные вашимъ предводителемъ, прошу выразить дворянству

Мою сердечную благодарность. Я радъ быть въ Москвѣ хоть нѣсколько часовъ въ годовщину серьезныхъ испытаний, постигшихъ нашу дорогую Родину».

(«Правит. Вѣстникъ» 1904 г., № 108).

17 сентября, на пріѣздѣ дворянства Херсонской губерніи, Царь отвѣтилъ:

«Благодарю васъ за хлѣбъ-соль и за выраженныя чувства. Увѣренъ въ преданности вашей и всего дворянства. Прошу передать всѣмъ дворянамъ мою благодарность».

(«Правит. Вѣстникъ» 1904 г., № 213).

Того же 17 сентября на пріѣздѣ и поднесеніи хлѣба-соли отъ Херсонскаго крестьянства:

«Его Величество благодаритъ и выразилъ увѣренность, что сельскія общества позаботятся о семействахъ запасныхъ, призванныхъ на войну».

(Тамъ же).

На всащодавнійшей телеграммѣ 15-го іюля изъ Дѣ-

дова, отъ духовенства, Государь изволилъ начертать:

«Русскіе люди могутъ посягаться на Меня—Я никогда не замочу позорнаго или недостойнаго Великой Россіи мира».

(«Правит. Вѣстникъ» 1905 г., № 154).

23-го августа, въ Либавѣ, на пріѣмѣ курляндскаго дворянства, Государь произнесъ:

«Господа, отъ Имени Государыни Императрицы и Моего выражаю вамъ Нашу сердечную благодарность за радужный пріѣмъ и гостеприимство. Я пью за здоровье курляндскаго дворянства и его процвѣтаніе».

На докладѣ о находкѣ на островѣ «Ванха Мейлю» 33 ящиковъ военныхъ магазинныхъ винтовокъ со патронами и 60 ящиковъ боевыхъ патроновъ, 27-го августа, Государь Императоръ Собственнолично начертать соизволилъ:

«Сиверное дѣло».

(С. О. 1905 г., № 177).

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Временный гимнъ.

Звонокъ. Въ комнату ко мнѣ влетаетъ цензоръ. Задыхаясь, кричитъ:

— Товарищъ Шебуревъ! Поздравляю! Свобода! Джили! Ура! Да здравствуетъ Временное Правительствъ!

Не вѣрю глазамъ. Какъ! Вѣдь еще 22 февраля онъ вычеркнулъ у меня въ романѣ слово «государь», въ выраженіи: «Милостивый государь! Я требую вась къ барьеру»... и сбоку написалъ: «Государя вызывать къ барьеру не имѣетъ права никто»...

— Теперь я могу, какъ Симеонъ, воскликнуть: «Нынѣ отпускаеши!» Вѣдь всю жизнь я прожилъ мечтою о Временномъ Правительствѣ! О, какъ ненавиждѣлъ я тирана! Вы замѣтили, съ какимъ злорадствомъ я вычеркивалъ всюду не только слово «царь», но и «государь»...

Теперь вы должны мнѣ сказать спасибо за то, что въ вашемъ романѣ всюду «милостивый государь» замѣненъ мило «милостивымъ господиномъ»!.. Мы должны забыть о томъ, что у насъ когда-то былъ государь!.. Долой тирановъ!

Вдругъ измѣнилъ такъ съ восторженнаго на дѣловитый:

— А я къ вамъ по дѣлу. Познакомьте меня съ потнымъ издателемъ. Я сочинилъ гимнъ. Слушайте:

И цензоръ зашѣлъ на мотивъ «Боже, царя храни!»:

Боже, Временное Правительствъ храни!
Славному кратки дни...

— Почему кратки?—перебилъ его я...

— Какъ!.. Неужели вы думаете, что я допущу, чтобы Временное Правительствъ заслуживалось долго!.. Я требую немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основахъ прямого, равнаго, тайнаго, явнаго... Это при старомъ режимѣ всякія временныя правила (напримѣръ, о печати) и временныя положенія дѣлались вѣчными... А теперь я не позволю!..

Цензоръ горячо ударилъ себя въ грудь. Потомъ опять остылъ и перешелъ на серьезный спокойный тонъ:

— Я вась прошу, не перебивайте меня!.. Посмотрите на мой гимнъ прежде всего коммерческими глазами! Издадимъ его съ вами и наживемъ такую денгу, такую денгу!..

И опять дѣловито зашѣлъ:

Боже, Временное Правительствъ храни
Славному кратки дни
Дай на земли...
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,—
Все исполнли...

Такъ и назовемъ: «Временный гимнъ»... Поващается... Ну, хоть Керенскому... Какъ вы думаете, сколько можно нажить?

Когда знаменитый вождь одесскихъ черносотенниковъ Пеликанъ приблизился къ трону, царица спросила его:—«Любить ли меня народъ мой?»

— «Государыня! Весь народъ русскій вѣритъ, что на небѣ у насъ троица: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой, а на землѣ тоже троица Царь Батюшка, Царица Матушка и Наслѣдникъ Цесаревичъ! Въ деревняхъ на портреты царской фамиліи молятся какъ на иконы!»

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

СКАЗКА

О БОЛЬШЕВИКЪ И МЕНЬШЕВИКЪ

Эта сказочка была написана еще въ 1905 г. для № 6 «Пулемета». Но она удивительно злободневна и теперь. Палачъ Вильгельмъ II у нихъ на носу. А они спорятъ, спорятъ, спорятъ... Книжники и фарисеи, изъ за книги не видящія родины, народа и грозной дѣйствительности.

Приготовилъ Палачъ двѣ веревки: одну чуточку подлиннѣе—для Большевика, а другую чуточку покороче—для Меньшевика. Повелъ ихъ въ лѣсъ вѣшать. Затѣяли по дорогѣ Меньшевикъ и Большевикъ споръ. Только и слышно:

- Плехановъ сказалъ!
- Ленинъ написалъ!
- Плехановъ утверждаетъ!
- Ленинъ отрицаетъ!

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Стали они подходить къ постоялому двору. Палачъ и говорить:

— Господа хорошие, нѣтъ ли у васъ по двугривенному? Я бы зашелъ на постоялый горло промочить.

Дали ему эдеки по пятиалтынному. Пошелъ Палачъ пить. А буфетчикъ ему говорить:

— Что ты дѣлаешь... Какъ же ты оставилъ крамольниковъ на улицѣ однихъ. Они удерутъ, и послѣ съ тебя же начальство взыщеть.

— Ничего,—говорить.—Всѣхъ эдековъ не перевѣшаешь.

— Да, вѣдь, ежели они уйдутъ, тебя чиновъ званіемъ лишатъ!

— Небось, не уйдутъ. Коли бы это были два Меньшевика—ушли бы. Или два Большевика—тоже ушли бы. А, вѣдь, это Большевикъ и Меньшевикъ, имъ не столковаться.

И точно. Выпилъ Палачъ, закусылъ, съ трактирщикомъ душу отвелъ, вышелъ за ворота, а они, миленькіе, подлѣ воротъ стоятъ и другъ на друга насакиваютъ.

Большевикъ кричитъ.

— Все зло отъ Меньшевиковъ!

Меньшевикъ.

— Все зло отъ Большевиковъ!

Одинъ.

— Безуміе поддерживаетъ всю Думу. Надо только трудовую группу!

Другой:

— Безуміе поддерживать только трудовую группу. Нужно всю Думу!

— Да, вѣдь, вы же, дураки, выборы въ Думу бойкотировали.

— Къ вамъ, дуракамъ, присоединились. Васъ, идиотовъ, послушали.

И опять:

— Плехановъ сказалъ...

— Ленинъ написалъ...

— Плехановъ утверждаетъ...

— Ленинъ рекомендуетъ...

Идутъ по дорогѣ въ лѣсъ, а сами самыми истинно-русскими выраженіями другъ друга озадачиваютъ.

Подшли къ двумъ соснамъ. Палачъ началъ на веревкахъ петли завязывать. Пыхтѣлъ, пыхтѣлъ, инда усталъ.

— Ну, господа, хорошие нѣтъ ли у васъ прикурить. Вы тутъ въ послѣдній разъ поспорьте, а я съ устатку прилягу подъ сосну, да малость сосну. Потомъ, отдохнувши, въ лучшемъ видѣ васъ повѣшу; тебя, Большевикъ, вотъ на этой веревкѣ подлиннѣе, а тебя вотъ на это—покороче.

Заснулъ Палачъ. А тѣ опять:

— Плехановъ и не думалъ писать...

— Ленинъ и не пытался утверждать...

Кричали, кричали о томъ, что Плехановъ думалъ и чего не думалъ, и вдругъ Большевикъ сообразилъ:

— А что, если намъ схватить Палача да повѣсить, а самимъ удрать.

Меньшевикъ возмущился:

— Это будетъ частичный терроръ. А объ террорѣ Ленинъ въ одной изъ...

И начали спорить о террорѣ. Наконецъ, все-таки рѣшили, что это не терроръ, а самозащита—частичная самозащита.

Ударили по рукамъ. Рады, что наконецъ таки добились единодушія хоть въ этомъ рѣшеніи. Большевикъ схватилъ веревку, которая подлиннѣе, и побѣжалъ, чтобы накинуть петлю на Палача.

Меньшевикъ вспыхнулъ весь:
— Какъ... Ты думаешь, что мы, меньшевики, позволимъ повѣсить палача на большевистской веревкѣ.
— Ужъ не вообразилъ ли ты, что большевики допустить для этой цѣли веревку меньшевиковъ!..
И пошелъ у нихъ тутъ споръ,—на которой изъ двухъ веревокъ вѣшать. Услыхалъ ихъ крики Палачъ, проснулся. Видитъ, дѣло не ладно. Вскочилъ на ноги.

—А, такъ вы такъ-то!.. Крамолу затѣяли! Схватилъ обѣ веревки и повѣсилъ эсдековъ. Только потомъ ужъ спохватился, что, вѣщая, ихъ веревки спросонокъ перепуталъ. Махнулъ рукой.
— Э... да плевать... Не перевѣшивать же ихъ..
Такъ и виситъ по сѣ время Большевикъ на меньшевистской веревкѣ, а Меньшевикъ — на большевистской.

Изъ меморій дѣда Козмы Пруtkова.

ОТМАХАЛЪ.

О томъ, какъ нѣкій царедворецъ, баронъ Фредериксъ, будучи отъѣзжая перегруженъ годами и памятью весьма скуденъ, дабы не забыть, какаа изъ царевыхъ дочерей старше, по старшинству оныхъ имена велѣлъ ординарцу расположить, при чемъ, такой акрости, подъ литерой ихъ выкидыва царичина разумѣя, получился:

Ольга.
Татiana.
Марія.
Анастасія.
Х
Александръ.

Какимъ акростию въ превеликое веселіе государя привелъ, оный Фредериксъ напоследокъ умолкъ, государь же ради того случая выпить не упустилъ, неустанно повторяя: «Отмахал!».

II.

ПОТОМУ ЧТО.

Нѣкій извѣстный своею добродѣтельною жизнью докторъ Раммъ, будучи спрошенъ: «почему сія война освободительною именуется?», такъ возразилъ:—«Потому, государи мои, что въ оную войну несмѣтное количество лицъ отъ войны освободились». На что случившійся тутъ банкировъ сынъ Онкольманъ учалъ съ тѣмъ Раммомъ изрядно шептаться.

III.

ОТМѢННЫЙ ЗАКЛАДЪ.

На вечерѣ у графини Мейнекихель въ Берлинѣ будучи и радиодонесенія о стѣнномъ арестѣ получивъ, Гинденбургъ воскликнулъ:— «Держу пари на коробку спичекъ, что и Манасевичъ-Мануйловъ будетъ черезъ недѣлю арестованъ». На это графиня Мейнекихель молча Гинденбургу коробокъ спичекъ подавая, сказала: «Пари ваше вы выиграли». Однако, взявъ Мануйлова, мудрый российский монархъ не замедлилъ выпустить изъ тюрьмы Стенбу, дабы...
(Тутъ мемуары дѣда прерываются).

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЪ ТАТЬЯНИНСКАГО КОМИТЕТА.

Татьяны имя ей подстать:
Вокругъ нея на тати тать...

ДВѢ ВОЙНЫ.

1904 г.

Японцы насъ ружьями, бездымнымъ порохомъ, шимозами.

А Куропаткинъ ихъ—молебнами, молебнами, молебнами...

1917 г.

Нѣмцы насъ пулеметами, чемоданами, удушливыми газами.

А мы ихъ — праздничнымъ отдыхомъ, восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, забавками, разговорами, разговорами, разговорами!..

МЕТАМОРФОЗА.

На-дняхъ заснулъ блестящій пажъ
Монархіи надежный стражъ...

Теперь проснулся къ жизни новой
Не пажъ, а «прапорщикъ съ Садовой»...

ЧТО ЕСТЬ АРМІЯ.

Большинство думаетъ:

— Армія есть собраніе лицъ не сумѣвшихъ уклониться отъ воинской повинности.

А я думаю:

— Армія есть собраніе лицъ, не работающихъ на государственную оборону.

Всѣ уклоняющіеся и освободившіеся увѣряютъ, что они работаютъ на оборону. Лишь армія ни въ чемъ не увѣряетъ, а дѣлаетъ молча и свято свое великое дѣло.

САМАЯ КРАСНАЯ.

— Назовите мнѣ самую красную газету сейчасъ въ Россіи!

— «Новое Время»...

— ?..

— Да она должна до корня волосъ покраснѣть отъ стыда: вѣдь всѣ ея сотрудники только и дѣлаютъ, что въ каждой своей статьѣ оплевываютъ себя, отрекаются отъ своего прошлаго! Не можетъ быть, чтобы вся редакція въ одинъ день по щучьему велѣнію переродилась... Не переродилась, а перерядилась...

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Каждый фараонъ оставилъ послѣ себя пирамиду
Вотъ какую пирамиду оставилъ послѣ себя Николай II.
Всю жизнь, создавая ее, онъ самодовольно повторялъ:
— Се Русь!..
И приближенные — сановники, чиновники, дворяне, пошарпательно кивали ему
головой:
— Онъ памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный!

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Въ 1905 г. «Пулеметъ» объявилъ конкурсъ на написаніе гимна-марша на слѣдующія слова Н. Шебуева.

Двинемся сомкнутомъ строемъ.
Смѣлымъ владѣть успѣмъ.
Крѣпкое зданье построимъ
Равенства, братства для всѣхъ.
Въ ногу, товарищи, въ ногу!
Дружно и бодро идемъ,—
Къ новому свѣтлому Богу
Путь мы заветный найдемъ!
Богъ тотъ безсмертный—Свобода!
Рабства разсыпался гнетъ.
Вольнаго дѣти народа,
Дружно впередъ и впередъ!
Радостно сомкнутомъ строемъ!
Плечи тѣсны къ плечамъ!
Слава погибшимъ героямъ,
Мищене живымъ палачамъ!

Было прислано свыше 30 гимновъ. Со-
чувственно отзывались, какъ я имѣю свѣ-
дѣнія, даже такіе композиторы какъ
А. К. Глазуновъ, Рахманиновъ, Лядовъ,
Цезарь Кюи и другіе. Но всѣ присланные
гимны были конфискованы царскими жан-
дармами и уничтожены. Уцѣлѣли только
два подъ псевдонимомъ „Крамольникъ“
и „Бомба“. Они будутъ воспроизведены въ
№ 7 и № 8 „Пулемета“. Прерванный ца-
ремъ конкурсъ продолжается во славу Рес-
публики. Премія 100 р. Срокъ подачи 1 мая.
Псевдонимъ не обязателенъ.

Художники-республиканцы.

«Пулеметъ» объявляетъ конкурсъ
штриховыхъ рисунковъ (перомъ или
итальянскимъ карандашомъ) въ двѣ
краски (черная и красная) на тему: «Го-
лосуйте за Республику!».

Размѣръ рисунка—двѣ страницы жур-
нала (т. е. развернутый «Пулеметъ»).

Премія—100 рублей и радость послу-
жить великому дѣлу родины. Срокъ по-
дачи (Петроградъ, Садовая, 75, 22)—
15 апрѣля 1917 г.

Издательство «Республика» подъ
редакціей Н. Г. Шебуева выпускаетъ бо-
гатую серію политическихъ открытокъ.
Художники обращайтесь съ рисунками
ежедневно отъ 1—2 ч. дня—Лермонтов-
скій, 14, 22.

Редакторъ „Пулемета“ Н. Шебуевъ
(тел. 431-36).

Издатели—Н. Шебуевъ и Н. Набиринъ
(тел. 542-79).

Контора—Невскій, 10 (тел. 261-47).